

Живет в г.Арендал (Норвегия). Визитная карточка участника.

Скальд

Из варяг я,
рода эрилей-скальдов.
Сотворяя
вязи знаков на скальных,
режу руны,
как положено, в полночь,
тэшу струны –
будет Одина помощь.
Арфу трону,
и окрепнет мой голос:

что мне троны,
коли конунги голы,
что мне тролли,
хульдры, прочая нечисть –
мне по роли
можно сильным перечить,
понарошку
скоморошить печально,
брать морошку
на заоблачье дальнем,
и, готовясь
плыть в ладье к горизонту,
слушать совесть
безо всяких резонов.

История любви

Их познакомил Хоспис.
Такой вот, Господи, госпел.

Он: медлителен и угловат
Худые запястья торчат
из застиранных рукавов,
пара линялых заплат
на больничной пижаме,
явно с чужого плеча.
Немного стесняется роста.
Вечный траур по маме.
Лет сорока или около.
Глаза разглядеть непросто
за утолщёнными стёклами.
Читает стихи взахлёб.
Любимый поэт – Гумилёв.

Она: птичка-колибри
с опереточным опереньем,
небольшого калибра.
Не пальцы – грацильные лапки скорее,
Клювик, щёки ввалились.
Перья жалких волос
торчат вразнойбой,
крашены хной
и зелёной,
улётно.
Глаза горящие, будто неон.
В колечках – брови, ушко и нос –

панкушка.
Любой
назвал бы её уродкой,
но только не он.

Она сломалась,
когда её бросил парень,
узнав про диагноз.
Мать и отчим на пару
спивались
в посёлке Чёрная Рамень.

Он, кроткий, как агнец,
три года за мамой
лежачей, как камень,
в параличе и маразме
ходил, пока ту не прибрал Господь,
а ему метастазы не съели плоть.

Они поступили в хоспис в июне.
Был отчаянно тёплый день.
Она ему показалась юной,
он – загадочным ей.
Но что-то случилось, что было всего важней.
С тех пор их видели вместе, всегда и везде.

Она, как ни странно, любила цветы,
осенние – астры, левкои, флоксы.
В палисаднике, получив уголок свой,
насадила маленький островок красоты.
Легко ли
было, преодолевая боль,
сажать эти астры-флоксы-левкои?

Из окна в приёмном покое
ими мог любоваться любой.

Это была любовь.

Он поливал левкои из лейки,
помогал ей дойти до скамейки,
фуфайкой укутывал плечи,
сладкий чай приносил под вечер
и, как заклинание, снова
вслух читал Гумилёва.

Однажды сказала: "я видела сад,
дом на озере, наших с тобой ребят,
я их видела, честное слово".
В полумраке, зубами о кружку стуча,
немногие силы собрав,
попросила – прочти мне про озеро чад,
где бродит красивый жираф...

Он моргал близоруко,
у неё был сегодня особенно грустный взгляд.
Он держал её тонкую руку,
за плечи обняв.

Она тихо ушла на закате.

Он – под утро, в соседней палате,
сестричке что-то шепча
про жирафа и озеро Чад...

Та не стала будить врача.

Аватара

Неле Богдановой

Интернат для душевнобольных. Триста метров – и Смольный.
Но из окон не видно, и – душевно не больно.
Нищета. Богадельня. Дурдом. Стыд повыела щёлочь.
Всё, что под руку – растащила снабженская сволочь.
Из вещей оставались на складе застиранные кальсоны...

...Интернат осчастливили вдруг телевизором Panasonic.
Подаяние называлось «гуманитарная помощь».
Всякому времени свой полагается овощ.

На кровати, в палате, в углу – одиннадцатая аватара
(но не Шивы, поскольку безрука-безнога),
для палаты она – воплощение помощи гуманитарной,
потому что в запасе для каждого доброе слово,
из того словаря, что был создан в начале,
до начала времён, как вселенская первооснова.
Ея многія знанія не умножают печали.

Неужели в дурдоме психам нужен французский?
У здоровых мозги не приемлют нагрузки.
Что, кретинам Бодлера надо знать непременно?

А она, словно сказку, читает Верлена.
Звук неведомой речи странно трогает душу,
погружая в нирвану идиота Кирюшу.

Он ей преданно служит. Как собака, на голос
откликается. – Друг мой, подай карандашик...
Тот искусан до грифеля. Выжжен глаголом.
Он – обломок бизани после зверского абордажа.
Сжав огрызок зубами, несмотря ни на что, по привычке,
она пишет стихи в дерматиновой толстой тетрадке.
Они очень простые (слова, по возможности, кратки),
и прямые, как речь, для которой излишни кавычки.

Собираются вместе больные, чтобы послушать.
Даже, кажется, овоща (по прозванию Тамара)
на минуту выводят из комы слова аватары
и довольное гуканье идиота Кирюши.

Сколько лет ей? Века? Вроде голос нестарый.
Но на Вы обращаются к ней санитары.
Что до внешности, то настоящая черепаха:
панцирь клетки грудной, словно плугом, пропахан.
Голова лишь осталась живой, но такая живая,
что душевные боли стихом увещевает.

Накануне приехали спонсоры. Спонсорам дали халаты.
Коридоры очистили с помощью дроперидола.
Повели на поклон к аватару из одиннадцатой палаты,
рядом – верный Кирюша, опять избежавший укола.
– Чем мы можем помочь? Спонсор смотрит непрямо,
у второго – испарина и страдательная гримаса.
Помощь страждущим богоугодна, неплохая реклама,
и на выборах популярна в избирательских массах.
– Иногда бы на воздух, мы здесь мало что видим.
Ну и книг бы побольше, для души это важно.
Да поребрики были б пониже, а так – не в обиде.
Спонсор лысину промокает салфеткой бумажной.
– Хорошо, постарайся. Шёпотом: Всё, закругляйся.
Вслух, совсем идиотски: Ну, вы поправляйтесь.

Через день в интернат привезли дорогой телевизор.
Телевизор поставили главврачу – не в коня идиотам.
Аватара писала стихи. Воробьи, топоча по карнизу,
ждали крошек. Мессия спешил на работу.

[Страница автора в Сети](#)

